

Читайте в серии
«Хорроманс. Темные союзы»

СЕВЕРИНА МАР,
«СЕРДЦЕ ИСТИННОГО ВАМПИРА»

сердце
Истинного
ВАМПИРА

СЕВЕРИНА МАР

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М25

Иллюстрация на обложке *Яны Кочевой (Panda)*

Дизайн макета *К. Оскаровой*

Художественный редактор *Я. Клыга*

Мар, Северина.

М25 Сердце истинного вампира / Северина Мар. — Москва : Эксмо, 2026. — 512 с. — (Хорроманс. Темные союзы).

ISBN 978-5-04-233622-5

Содружество Пандер — государство — воплощение прогресса: по дорогам ездят автомобили, города связаны со столицей железными дорогами, а все пандерцы равны.

Однако в действительности вся власть принадлежит оборотням, у колдунов и ведьм нет иного выбора, как служить в Ведомстве парапсихологии, а малочисленные вампиры живут в отведенных резервациях, где добывают опасное вещество марий.

Катаржина — дочь и правая рука главы Содружества, властная и жестокая девушка-волк. Когда ее отца поражает неизвестный недуг, выясняется, что спасти его может лишь сердце истинного вампира — существа, которое считали уничтоженным сотню лет назад. Однако ходят слухи, что на крайнем севере есть последний выживший.

Катаржина отправляется туда с проверкой. Но вместо могущественного бессмертного встречает полубезумного Якова. Пытаясь обманом доставить вампира в столицу, Катаржина вынуждена проводить дни в его обществе, постепенно осознавая, что все, что она знала о своей семье, — ложь.

Сможет ли юная волчица отказаться от цели, когда единственный шанс на спасение отца и мира в государстве — сердце того, кто стал ей дорожке жизни?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-233622-5

© Северина Мар, текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

— **П**од тобой земля разверзнется, если ты однажды перестанешь быть стервой? — спросил Игнат.

Он занимал собой добрую половину заднего сиденья автомобиля. Поверх отшитого у лучших портных костюма он зачем-то напялил длинную бобровую шубу, а светлые волосы зализал набок. Словно думал, что так будет выглядеть свежее после очередного кутежа.

— Как руководитель Ведомства благоденствия, я всего лишь делаю свою работу, — отозвалась Катаржина, поправляя на запястье усыпанный бриллиантами браслет.

Расправленный подол широкой, длиной до середины лодыжки юбки и полы шерстяного пальто занимали вторую часть обитого алой кожей сиденья. Тугие резинки чулок давили на бедра.

— Из-за тебя этот бедолага будет разжалован, а тот, кто займет его место, будет работать ничуть не лучше.

— Не моя вина, что он не сумел выполнить план. Его показатели чудовищны.

— До окончания плана еще два года.

— И что? С таким заделом он бы все равно ничего не успел. И вообще, ты видел его показатели?

— Тот, кто займет его должность, едва ли будет лучше, — повторил Игнат.

— Вместо того чтобы критиковать меня, лучше подумал бы о своей работе или хотя бы о том, что скажет отец, — отрезала Катаржина. — Ты руководитель Ведомства воспитания...

— Как по мне, все вокруг вполне воспитанные.

— Ты хоть знаешь, насколько твое ведомство выполнило план?

— Нет, да и какая разница? Придет время — узнаю.

— Целыми днями только и делаешь, что ошиваешься в игорных домах и борделях.

— На землях Содружества нет ни игорных домов, ни борделей, моя дорогая сестрица.

Катаржина нахмурилась. О том, что они есть, только подпольные, оба были прекрасно осведомлены. Как и о том, где они находятся, во сколько начинают свою работу, в каких подают лучшие напитки, а в каких обычно самые роскошные закуски.

Вся разница между ними была в том, что Катаржина знала меру, а Игнат — нет. Он был старшим сыном Главы Содружества, старше нее на три года. От отца ему передан дар обращаться в медведя, в то время как она сама превращалась в волка, как и их покойная мать.

Надеждой Содружества и гордостью семьи — вот кем он должен был стать. Вместо этого он вырос

слабым и безответственным алкоголиком. Хорошо, что у отца была еще и она, Катаржина.

Автомобиль мягко остановился. Игнат выскочил наружу, запустив в салон промозглый воздух и хлопнув дверью, словно не выдержал бы наедине с младшей сестрой ни минутой дольше. Катаржина дождалась, когда водитель распахнет перед ней дверь и подаст руку. Она ступила на белую гальку и, спрятав руки в горностаевой муфте, пошла вверх по широким мраморным ступеням Дворца Содружества.

На подъездной аллее творился хаос из машин, среди которых то тут, то там сновали офицеры охраны. Едва прибывшие гости покидали свои автомобили, как те отъезжали, а их место тут же занимали другие. Чей-то водитель, которому не давали проехать, иступленно жал на клаксон. Изящная девушка прищемила край мехового палантина дверцей машины.

Сегодня был большой праздник — сто лет с основания Содружества Пандер, самой великой страны в истории всех времен.

Содружество расцвело подобно цветку на обломках Империи Пандер, когда рухнуло кровавое правление вампиров. Тысячу лет этими землями правили вампиры. Вечный Император и тринадцать его детей, истинных вампиров, поработали и пожирали людей точно скот, пока однажды семь кланов оборотней, выйдя из лесов Западных равнин, не подняли восстание и не уничтожили императорскую семью и всех истинных вампиров. Оставшихся кровососов сослали в резервацию на севере, где они честно трудились на благо Содружества.

Каждый раз у Катаржины замирало сердце при мысли о том, какой подвиг совершил отец вместе с соратниками. Жаль, что сейчас все они, кроме отца, были мертвы. Хотя оборотни и жили гораздо дольше простых людей, одних унесла кровавая война против Арлисса — соседней страны, возжелавшей откусить кусок от земель Содружества, прикрывая корысть догмами и ненавистью к оборотням, вампирам и ведьмам, населявшим земли Пандер наравне с простыми людьми. Других умертвила вспышка волчьей болезни, а третьи, увы, стали предателями и были казнены.

Цокая каблуками по мраморным плитам, Катаржина вошла в вестибюль. Миновав выстроившуюся возле гардероба очередь, она скинула пальто и муфту на руки подбежавшей к ней девушки.

Из зала доносились музыка, легкая поступь танцующих, разговоры и чей-то тонкий высокий смех. Катаржина едва присоединилась к веселью, а ей уже было скучно. Скука вечно следовала за ней, словно вороны за волчьей стаей.

Она прошла в зал, выхватив по пути бокал с шипучим вином с подноса, и огляделась. День выдался долгим и утомительным: с утра, несмотря на дождь, она мерзла на улице во время парада, затем посетила множество скучных торжеств, формальных и не очень, и вот наконец прибыла на прием во Дворце Содружества. Пожалуй, такого рода мероприятия, где требовалось вести утомительные пустые разговоры и одеваться по строгому протоколу вплоть до оттенка чулок, были наименее приятной частью ее жизни. Однако и должность, которую она занимала,

и сама ее принадлежность к семье Главы неизменно этого требовали.

Люди вокруг смешались в цветной калейдоскоп. В носу свербело от запахов пота, духов, одеколона, спирта и ваксы, которой начистили обувь. Катаржина скользила взглядом по толпе, размышляя о том, кто же сегодня ее развлечет.

— Панде Катаржина! Восхитительно выглядите. Впрочем, как и всегда, — раздался из-за спины глубокий мужской голос.

Обогнув ее по дуге, перед ней остановился Феликс Дрозд — генерал армии Содружества, прославившийся после победы над Арлиссом. С каким бы презрением Катаржина к нему ни относилась, она не могла не отметить, что он был хорош — высок и строен, с тонкой талией и широкими плечами, подчеркнутыми тугим мундиром. Вьющиеся рыжеватые пряди прятались за уши, а улыбка сверкала снежной белизной. Он был простым человеком, чей срок короток, а тело слабо и уязвимо, но все же он был неплох.

— Не подарите мне танец? — поинтересовался он, протягивая ладонь.

— Нет, я не в настроении танцевать, особенно с человеком, от которого пахнет, как от вас, — холодно проговорила Катаржина.

— От меня пахнет? И чем же? — голубые глаза удивленно расширились.

— О, а вы не чувствуете?

— Нет.

— Агнешка! — Катаржина окликнула оказавшуюся поблизости девушку.

Та подошла, нервно сжимая тонкими пальцами нелепую розовую сумку.

Катаржина поморщилась: зря она ее позвала. Хотя они и были сестрами... Нет, сестрами они не были, пусть однажды отец и позвал мать Агнешки, служившую в их доме полумойкой, к себе в постель. От этой связи на свет родилось убогое недоразумение, не умевшее обращаться в зверя, слабое и к тому же болезненное. Весной и летом она чихала из-за цветения, а зимой и осенью — из-за сырости и мороза.

— Агнешка, чувствуешь, чем тут пахнет? — спросила Катаржина, когда та остановилась возле них.

— Твоими духами? — спросила она. — Они очень вкусные.

— Я не пользуюсь духами, — поморщилась Катаржина. — Это одеколон генерала так смердит. Но ты права: вонь словно от бабских духов.

Агнешка покраснела, ее нижняя губа затряслась. Генерал Дрозд же побледнел, затем прижал кулак к губам и издал странный хрюкающий звук.

Вот поэтому Катаржина его терпеть не могла. Он ее не уважал, не боялся, в отличие от всех остальных, и вместо того чтобы смутиться и почувствовать себя униженным, просто засмеялся.

Отделавшись от Агнешки и генерала Дрозда, Катаржина, скучая, бродила по залу. Она поела канapé с креветками и попробовала крошечные пирожки, разложенные на банкетных столах вместе с прочими закусками.

Часто бывало так, что когда скука наконец отступала, на смену ей приходила тревога. Плечи тянуло вниз, словно на шею повесили камень, и отчего-то

вспоминалась погибшая много лет назад мать. Это чувство Катаржина ненавидела больше всего и знала только три способа избавиться от него. Один сегодня ей совершенно не подходил — она не могла себе позволить напиться на таком мероприятии. Тем более вместо нее это совершенно точно сделает Игнат. Нет уж! Пусть отца позорит только старший сын, а она навсегда останется его гордостью.

Обернуться волчицей и галопом промчатся по сумрачному лесу тоже было нельзя.

Ее взгляд скользнул по толпе, и вдруг она приметилась того, кто вполне бы подошел, чтобы помочь ей справиться с тоской третьим известным ей способом.

Пройдя вдоль стены, чтобы не мешать танцующим, Катаржина остановилась возле высокого и ладно сложенного мужчины, чье тело плотно облегал мундир с сияющими в свете ламп погонами. Катаржина терпеть не могла усы, но на его волевом и точеном лице они смотрелись неплохо.

— Панде Катаржина! Доброго вам вечера! — поздоровался он, втягивая в себя воздух, отчего его тонкие ноздри чуть затрепетали.

— Доброго и вам, полковник Домак, — отозвалась она, украдкой рассматривая его шею, видневшуюся из-за чуть расстегнутого ворота. — Вижу, вы сегодня не на службе?

— Нет. Повезло получить выходной, чтобы отпраздновать столетие Содружества.

Домак был одним из офицеров Ведомства порядка. Он состоял в личной охране Главы Содружества, но часто охранял и саму Катаржину, когда в этом

была необходимость. Ей такие дни нравились больше всего, потому что почти все остальные офицеры охраны были похожи либо на лошадей с вытянутыми мордами, либо на свиней, обиженных недостаточным количеством помоев, выданных на ужин. Домак же был подобен быстрому и изящному волку, в которого оборачивался, и этим ей нравился.

— Кажется, вы немного скучаете, — протянула Катаржина.

— Я жду жену... А вот и она! — Домак словно выдохнул и уставился куда-то за ее спину. Его янтарно-желтые глаза засияли как у пса, дождавшегося хозяйку. Катаржина нахмурилась: на нее он никогда так не смотрел.

Из-за ее плеча вышла женщина в аляповатом розовом платье, похожем на ночную сорочку, но не на ту, которую можно соблазнительно спустить за лямку с плеча, а вроде тех, которые носят старые девы — в мелкий цветочек и с дешевым кружевом, идущим по рукавам и подолу. Судя по тому, как ткань обтягивала ее живот, она была глубоко беременна. Но даже в таком простецком платье и положении женщина оказалась весьма милостива: с нежной персиковой кожей, словно сияющей под яркими софитами, беззащитными, как у олененка, голубыми глазами, такими огромными, что они занимали едва ли не половину лица, и пушистыми волосами, спускавшимися на плечи пшеничной копной. При одном только взгляде на нее Катаржину больно уколола ревность.

— Мариан, я захватила нам пирожков и булочек с маком! — воскликнула женщина, протягивая

полковнику Домаку заваленную закусками тарелку, и вдруг замерла, словно только заметила Катаржину. — Ой, здравствуйте!

— Панде Катаржина, это моя жена Бланка. Дорогая, панде Катаржина руководит Ведомством благоденствия. Она дочь Главы Содружества, — представил их Домак.

Бланка заохала, чуть не опрокинув тарелку с пирожками, и принялась осыпать безвкусными комплиментами платье Катаржины, но та пропустила их мимо ушей. Она знала, что Домак женился на обычной женщине, не оборотне, еще лет десять назад. Она родила ему уже двоих детей и, кажется, готовилась родить третьего. Катаржина такого не понимала. Конечно, в Содружестве все были равны: люди, оборотни, ведьмы и даже мерзопакостные вампиры, но ей все равно казалось правильным и верным находить пару себе под стать, а не рожать полукровок вместе с женщиной, чей срок истечет прежде, чем у самого Домака проклюнется седина.

— Полковник, хотела поговорить с вами по рабочим вопросам, — сказала Катаржина, перебивая Бланку, которая продолжала лепетать про чудесный вечер и восхитительную музыку. — Давайте отойдем ненадолго.

— Панде Катаржина, вы хотите поговорить прямо сейчас? Быть может, это подождет до завтра?

— Нет, не подождет. Или вы хотите сказать, что вам плевать на благополучие Содружества? — Катаржина сердито вздернула бровь.

— Мариан, — зашептала Бланка. — Иди, если так нужно. Я тебя здесь подожду.

Катаржина двинулась вперед, довольная, что все получилось, как она хотела. Домак плелся следом. Они вышли из зала и прошли чуть дальше по застеленному ковровой дорожкой коридору мимо многочисленных закрытых и открытых комнат. В одной из них, развалившись в кресле напротив входа, находился Игнат. Он проводил их мутным взглядом — Катаржина его проигнорировала.

Она завела Домака в подсобку, которую заметила еще давно и часто использовала во время мероприятий во Дворце Содружества для подобных целей, и заперла дверь на хлипкий крючок. Катаржина села на комод, где хранились тряпки и ведра, Домак встал между ее ног...

После того как они закончили, он ушел первым. Поправив чулки и пригладив растрепавшиеся волосы, Катаржина вышла в коридор спустя несколько минут.

До того как отец будет произносить речь, оставалось совсем немного времени. По пути в зал она зашла за Игнатом, успевшим задремать в кресле. Его лицо покраснелось, от него пахло перемешанным содержимым всей продукции лакокрасочного завода. Когда она его растолкала, Игнат сонно поглядел на нее из-под покрасневших век.

— А, это ты? Чего тебе надо? — неразборчиво пробормотал он.

— Пойдем. Скоро начнется речь отца! — Катаржина потянула его за руку, заставляя подняться из кресла, а затем отвесила пару оплеух.

— За что?! — воскликнул Игнат, хватаясь за щеки.

— Чтобы взбодрить.

Взяв за руку, Катаржина вывела его в коридор. Если бы она была не оборотнем, а простой девушкой, то едва ли ей хватило бы сил, чтобы тянуть за собой такую тушу.

— Ох, Катаржина, и зачем ты затащила Домака в чулан? У него же пятеро детей! — хотя его язык заплетался, в его голосе явственно слышались расстроенные и немного сердитые ноты.

Ее это злило больше всего. Как он только смел учить ее жизни?

— Пока вроде двое. И ты не моя совесть.

— И почему тебе обязательно надо быть такой злой и вечно хватать то, что не твое? Не можешь, что ли, найти свободного?

— Заткнись.

— Это все потому, что мамы у нас нет, — заключил вдруг Игнат. — Тебя просто не любили никогда достаточно. Ты все думаешь, что сможешь заполучить любовь отца, если будешь вести себя правильно, но нет. Он ведь любит только себя и власть, а не нас. Вот!

Катаржина прикусила губу. Они уже вошли в зал, и она не могла ударить его при всех.

К речи отца все было готово: танцы закончились, и гости выстроились перед сценой, которую покинули музыканты. Все ждали появления Главы Содружества. Пробравшись через толпу, они встали в первых рядах. Катаржина покосилась на брата — его лицо было красным, как переваренная свекла, но он хотя бы мог, не покачиваясь, стоять на месте.

Наконец под оглушительные аплодисменты на сцену поднялся отец. Катаржина хлопала ему так,